

День рождения

Виталий Засухин

«Нюра, да не ругайся ты! Мы ведь никому не мешаем, не шумим, сидим себе спокойно!», - сквозь сон услышал я громко сказанные слова голосом отца. «Аннушка! Аннушка! Ну что-же ты в самом деле, неласковая такая!», - вторил голос дяди Миши, мужа маминой сестры Нины.

«А я вот сейчас пойду в дом, разбужу ее и расскажу, чем это вы здесь занимаетесь ни свет, ни заря», - как бы стараясь не особо шуметь говорила мама. «Спят еще все, а вы ...».

Тут я окончательно проснулся и выглянул во двор через приоткрытый проем лаза на сеновале. Мне открылась такая картина: прямо на дощатом настиле возле летней кухни сидят отец и свояк, муж младшей маминой сестры. Перед ними на табуретке стояла начатая бутылка водки, два стакана и какая-то нехитрая закуска. Отец и дядя Миша сидели рядом друг против друга, по всей видимости говорили о чем-то, и появление мамы внесло небольшую паузу в их дискуссию.

«Как вам не стыдно, все еще спят, а вы уже начали праздновать с утра», - уже более миролюбиво произнесла мама. «Хоть бы за стол сели в летней кухне, а то сели так, как на вокзале, кто-то увидит, с утра уже заливаются, стыдища-то какая!»

«Нюра. Так мы же понемногу, да и праздник же. И собирались для этого. Да и вообще, когда мы с Мишей можем поговорить еще, вы же не даете!»
«А! Делайте, что хотите. Только не орите, а то всех разбудите. Вы хоть смотрели на часы? Еще шести нет», - закончила говорить мама и хлопнув дверью зашла в летнюю кухню.

Я все это время лежал на постели, которая в свою очередь располагалась на сеновале и думал, подниматься в такую рань, или нет? Надобности особой не было, печь на летней кухне уже топилась, видно было как вьется дымок из трубы. Воду я наносил с вечера. И во мне боролись два желания: продолжить спать, или подняться и начать помогать маме по хозяйству. Побороло второе, я поднялся, оделся и по лестнице спустился во двор.

«Привет! Что так рано поднялись и спать не даете?» - произнес я.
«Ооо! Витя! Племянничек! С днем рождения тебя!» - с улыбкой произнес дядя Миша.

«Спасибо!»

«А мы, вот, за твоё здоровье пьем. Поздравляем тебя», - так дядя Миша

почему-то произносил слово “поздравляем”. «Аннушка вот немного расстроилась. Ну, да ладно.»

Я зашел на кухню, мама уже суежилась возле печки, гремела кастрюлями. В печи уже всю потрескивали дрова и закипал чайник на плите. «Витька, представляешь, я пока утром встала, выдоила Малышку, отогнала ее за колодец, прихожу, а тут уже ... !» - с обидой в голосе произнесла мама: « не могли потерпеть, совсем уж ...», - недосказала она и опять начала греметь сковородками и кастрюлями.

«Чай будешь?» «Да.»

Мама налила из чайника полную кружку чая, поставила на стол блюдо с пирогами и выпечкой и сказала: «Пей, пойду разбужу Нину. Не могу я смотреть на это.»

Мама вышла из кухни, ни говоря ни слова прошла мимо отмечающих мой день рождения и направилась в дом. Я тут же вышел и сказал: «Пошла тетю Нину будить, так что вы уж поспешите, или вообще спрячьтесь где-нибудь.»

Сказано это было мной то ли из чувства мужской солидарности, то ли из-за того, младшая сестра мамы, Нина, была достаточно скандальной и крикливой женщиной, особенно, когда это касалось пьяного дяди Миши, кстати добрейшей души человека, и мне попросту не хотелось быть свидетелем очередного скандала моих родственников.

«Уже не успеют», - хитро произнес отец, держа в руке практически пустую бутылку из-под водки, и улыбнулся: « Миша, давай скорей!» Оставшаяся водка моментально была разлита по стаканам и выпита без промедления, о чем и сигнализировала практически одновременно сказанная обеими фраза: “ Фу! Успели!”

Все это происходило, дай бог памяти, году в 1967 - 1968-м, 22 июля. Почему так точно? Потому-что я в тот момент я еще учился в начальной школе и проводил летние каникулы дома. А 22 июля – потому что у меня вчера был день рождения, приглашены были гости и накрыт стол человек на 15. В качестве приглашенных были и сестра мамы Нина Ивановна и муж ее Михаил Михайлович.

До позднего вечера были обильные возлияния с песнями, пляской во дворе при свете фонаря, специально подвешенного отцом над летней кухней. День рождения был устроен только для взрослых, друзей специально родители не приглашали, хотя они все в течение дня приходили ко мне, немножко стесняясь поздравляли с 11-12-летием и были угощены мамой различной выпечкой с

молоком, чаем и конфетами.

Скорее всего день рождения был просто поводом для встречи с родственниками, которые жили практически рядом, на соседних станциях и в родной деревне и которых так трудно было собрать в одном месте в одно и то же время и просто пообщаться. Кто-то приезжал из Великополья, родной деревни отца и мамы, кто-то из Лесной и Заводской вечером на поезде. Сестра мамы приезжала из Нижней Туруньи рано утром.

Полдня все вместе дружно стряпали, готовили и после обеда начиналась основная часть - застолье. Подарки имениннику давно уже были вручены, и никто в принципе и не обращал внимания на то, что произносивший здравицу спрашивал: “А где же именинник?”. А именинник в это время гонял на велосипеде по поселку, или лазил по разрушенному длинному бревенчатому барaku со своими друзьями и ровесниками, любимому месту игр в войну. Иногда я прибегал домой, просил у мамы несколько пирожков или шанежек для друзей и снова убегал.

Самое интересное время для меня наступало тогда, когда отец с дядей Мишей хорошо “поддав” начинали вспоминать былое. Вот тогда-то и можно было, находясь рядом и изредка задавая вопросы, или даже вставляя реплики узнать много того, чего ни тот, ни другой не рассказали бы в обычной обстановке. Хоть я и терзал и отца, и маму постоянно вопросами и про то, как они жили в деревне, что они делали во время войны, как отец воевал с немцами, чем воевал? Да и разве возможно перечислить все те вопросы, которые постоянно роились в моем детском воображении и на которые так хотелось получить ответы.

Отец и дядя Миша - оба фронтовики, оба прошли всю войну от начала и до конца, оба были мобилизованы на фронт по так называемому “первому призыву”. Оба орденосцы и оба уцелевшие в этой передраге, если можно так сказать. И при их встрече разговор так или иначе перетекал на тему войны. А вот этого я уж не мог пропустить, ибо на все мои вопросы я и мог получить ответы в этот момент. Нужно было попросту находиться в это время рядом с ними и слушать. Вот точно этот момент и наступил сегодня.

«Миша! А ты знаешь, что эти суки посадили адъютанта Жукова в лагерь? За что? За то, что он всю войну прошел, а после этого стал кому-то поперек? Мне Игнат сказывал, что в конце 40-х у них на “шестерке” сидел! Генерал-лейтенант! Минюк! Личный адъютант-порученец! За что сидел? За то, что от рядового до генерала весь путь прошел? За то, что вместе с Жуковым войну выиграл? За то, что кровь, как мы с тобой, проливал? Знаешь, как обидно

иногда бывает, вот поставь себя на его место. А! Когда нужен был - то товарищ генерал, а когда стал не нужен - гражданин заключенный.»

Тут нужно немного сделать отступление: на “шестерке”, станция Брусничная, что в 20 км от нашей станции Раздельная был Отдельный лагерный пункт (Олп) №6, в простонародье - “шестерка”. Позже, после всяких переименований, Олп превратился в Итк (исправительно-трудовая колония), позже этот лагпункт стал опять называться по другому. Ну, да бог с ним, мы говорим о том времени, когда он был Олп №6.

Вот на этом лагпункте и служил в охране лагеря младший брат отца Игнат. Он тоже, как и отец, фронтовик. Правда был призван намного позже отца на фронт, кажется в 43-м. Но воевал до конца войны, закончил ее под Кенигсбергом и тоже немного рассказывал о тех событиях, чему я был свидетелем и о чем я немного позже расскажу и вам. Попал Игнат в Вятлаг на службу примерно также, как и отец - пришел с фронта, деревня в упадке, достойной работы нет, семьей не обременен - вот и пошел служить. А там и любовь свою встретил, и семьей обзавелся, и четверых детишек с Агнией, жену так звали, народили, да и на ноги поставили.

Так вот Игнат и рассказывал, что в конце 40-х у них в лагере отбывал срок генерал-лейтенант Минюк. Всю войну от начала и до конца он прослужил в штабе Жукова, был его адъютантом - порученцем и, зная биографию Жукова, можно с уверенностью сказать, что это самый что ни на есть боевой генерал. Так вот он срок имел немалый - 10 лет! И сидел он как обычный заключенный, и на лесоповал его выводили, и на бирже лес разделявал, и пайку имел зэковскую. И никаких поблажек или льгот ему не было.

«А ведь я ему табак все время носил», - говорил Игнат, пригнувшись вполголоса и, вроде как оглядываясь, говорил отцу. «И, если один на один, я его только товарищ генерал называл. Хоть он и говорил в ответ: «Не нужно, Игнат Петрович, какой я тебе генерал, был да вышел. А вот за табачок спасибо! Знаешь, не курил до войны, а на войне пристрастился и вот теперь страдаю» - рассказывал Игнат, как-то приехав к нам на Раздельную в гости. Отсидел этот генерал срок не весь на “шестерке”, в какой-то момент был отправлен по этапу. О его дальнейшей судьбе Игнат ничего не знал и более ничего не мог рассказать. А то, что рассказывал отцу, я излагаю здесь.

«Да! Плохо мы живем» - продолжал отец. «Ты знаешь, Миша, когда я первый раз увидел Венгрию в конце 44-го, я ничего не мог понять. Как так вышло, люди живут в сто раз лучше нашего, а мы пришли на их землю их освобождать. Ты бы видел в каких домах они живут, сплошь и рядом из

кирпича и камня. Там даже сараи для скота из кирпича. А у нас? Много ты видел домов с кирпича? Я уж не говорю про Раздельную. Я говорю про “тридцатый”, у вас есть хоть один дом из кирпича? А какие там дороги? Иногда доходило до смешного, едем на тягачах, тянем орудия, дорога вроде хорошая, все мощеная булыжником и приезжаем в какое-то место, там несколько домов и больше ничего. Мы начинаем узнавать, и тут оказывается, что мы приехали на хутор к помещику ихнему. Все, дальше дороги нет, тупик. Так вот я до сих пор не могу понять, как он мог, помещик этот, такую дорогу в несколько километров сам себе булыгой вымостить? Много ты видел у нас булыжных дорог?»

«Что тебе говорить, Ваня. Мы вон дожились до того, что бывший полицей сейчас на работе мной командует. Представь себе. Полицай - и командует мной.»

«А как так получилось?»

«А так. Посадили его во время войны за “сотрудничество”. Тогда ж знаешь как было - был под оккупацией, однозначно где-то работал. А работал, значит сотрудничал. И дали ему 10 лет. Не расстреляли скотину, пожалели. Мы воевали, а он в это время потихоньку срок мотал. И к концу войны уже был то ли бригадиром, то ли десятником. После войны попал под какую-то амнистию, но домой не поехал. Побоялся, наверно. Вот и остался на “тридцатом”. А на воле его сразу поставили мастером на бирже. А мы тогда с Ниной жили на Име. Я в пожарке работал. В начале 50-х 17-й Олп расформировали и многие по желанию переехали на 30-й. Вы же тогда не стали переезжать, когда 13-й расформировывали, а мы переехали. На “тридцатом” я опять пошел в пожарку, а Этот Матюшенко уже из мастера стал старшим мастером. Вот так и вышло, что бывший полицей мной, фронтовиком-орденоносцем командует. Так-то вот.»

«Обидно, Миша, да что там говорить, я как вспомню войну и никак не могу понять, как мы все-таки ее смогли выиграть? Особенно 41-й и 42-й годы. Отступление за отступлением. Отступаем без боев день-два. Ни боев, ни обстрелов - одни бомбежки. Только выйдешь на дорогу - “Воздух” - бежишь в сторону и ждешь, пока все это закончится. Закончилось - выходишь на дорогу, через полчаса-час снова все повторяется. Тут отцы-командиры командуют, все, здесь будет линия обороны - роем окопы. Целый день роем, а вечером опять команда: “Строиться, шагом марш!” Оказывается, нас уже обошли, и нужно опять отступить, чтобы не попасть в окружение.»

«Первых пленных увидел осенью 41-го. Специально ходили смотреть на них. До этого видели только на плакатах. Знаешь, что меня поразило - они все были в сапогах. Пленных было немного, но на всех были сапоги. Ты бы видел их сапоги! А подошвы какие? Наши сапоги только по краю подбивались

гвоздиками, а ихние по всей подошве. Такой подошве век сноса не будет. А на мне что было - ботинки с обмотками. Так вот, сменил я ботинки на сапоги кирзовые аж в начале 43-го. И это учитывая то, что служил я в воздушно-десантной бригаде. Хренов десантник с одним учебным прыжком с парашютом. Да и обмундирование у них вроде было получше», - продолжал отец.

«Нет, Ваня. Тут я с тобой не соглашусь. Шинелишки на них были сраные. Наши были лучше. Да и ватников на них я что-то не замечал. И оружие у них было похуже. Хоть и говорят сейчас, что у них сплошь и рядом были автоматы - ни черта подобного, одни карабины я видел у них. Встречались и автоматы, но очень мало. Наверно только командирам и давали.»

Я сидел рядом и слушал их лучше самого лучшего ученика в школе. Мне было интересно все и я хотел только одного, чтобы никто не прервал их разговор. Я конечно упускаю из их рассказов матерные слова, потому - что речь и дядьки, а уж особенно отца изобиловала такими матерными отборными словечками и оборотами, что, повторяя их, мне самому будет немного стыдно, хотя я не ханжа и сам могу на работе выражать свои эмоции подобным образом. Причем их не стесняло ни мое присутствие, ни присутствие моего младшего брата. Единственно, нахождение рядом женщин все-таки немного ограничивало матерный лексикон. Хотя, когда отцу кто-то и делал замечание по этому поводу, то он смеясь отвечал: “Ну что я могу поделаться с собой, если я даже иногда думаю матом ...” Но вот трезвый он мат употреблял мало.

Тут между делом просыпались родственники и все опять собирались за столом на завтрак, то бишь похмеляться. Все рассаживались за стол, пили чай, кто-то “опрокидывал” рюмку - другую после “вчерашнего” и начиналась беседа, самая обычная среди родственников. Героям нашим это было не совсем интересно, они отходили во двор, рассаживались на солнышке и продолжали беседу.

«Миша, а вот чем сейчас лес пилят ээки?»

«Как чем? Пилой!»

«Да ты не так понял. Какой пилой? Говорят, сейчас сплошь и рядом ээкам бензопилы выдают? Не так, как раньше?»

«А-а! Ты вон про что? Нет, конечно. Сейчас ни “лучков”, ни “поперечек” не встретишь. Сейчас только “Дружбы”.»

Вопрос, который задавал отец был чисто риторическим. То бишь отец знал на него ответ, но просто хотел, чтобы свояк проникся темой, которую начал он.

«А ты знаешь, что у немцев Эти “Дружбы” были еще во время войны?»

«Да ну тебя. Какие бензопилы в войну? К нам первые “Дружбы” привезли, дай бог памяти, в конце 50-х. На Име когда работал, таких пил и в помине не было. А вот на “тридцатом” я увидел их первый раз. И пилить пробовал. Хорошая штука! Ладно придумали. И ты хочешь сказать, что это тоже не наше изобретение? А немцам то зачем бензопилы? У них же и леса нет, одни поля да перелески. Ты знаешь, Иван, не поверишь, у них даже номера на деревьях написаны. На мелких нет, а вот на больших соснах и елях сделаны затесы и подписаны номера. Зачем? Даже не знаю. Наверно мало у них этого добра - вот и считают. Может и к нам из-за этого полезли.»

«Не знаю, Миша, как там в Германии, я не был там, а вот в Чехии я не видел такого. Леса мало, одни горы.»

Тут к месту сказать, что дядька закончил войну в Германии, а отец встретил победу в городе Брно, это Чехия.

«Так вот, Миша, я же не шучу, когда говорю, что видел бензопилу еще во время войны. Нам всем чудно было это. Попалась она в виде трофея нашей роте в 44-м на Украине. Отбили как-то у немцев колонну небольшую, ну, там было машин несколько. Мне машины грузовые всегда были интересны, я же, считай, почти полгода на АМО снаряды, да боеприпасы возил. А тут стоят Студебеккеры, два или три.» - продолжал отец.

«Я пока в кабине осматривался, ребята со взвода какой-то ящик вытянули с кузова. Меня зовут, посмотри мол, Иван, что это за чудо техники? Лежит в ящике приличных размеров механизм, чем-то примерно похожий на нашу современную бензопилу. Только намного более по размерам, ну, может раза в два, может в три. Никто не знает, что же это такое. Хоть все поняли, что это пила, в опилках она была вся. Вытащили ее, рассматриваем, хотим понять, как же она заводится и как работает? Бензобак на ней есть. Открыли, понюхали, точно - бензин. Бензин в ней еще был. Полотно под цепь было длиннее, чем на “Дружбе”. Цепь такая же, только длиннее и зубья крупнее. И что интересно, на конце шины, это полотно под цепь, были еще две рукоятки. А значит пилить этой пилой нужно было вдвоем. Смотрели-смотрели и нашли сбоку рукоять, как на мотоцикле, заводить чтобы. Дергали-дергали, не получается. Не заводится, чертова пила.»

«Наверно бензин нужно было подсосать, карбюратор найти нужно было!»

«Да сейчас я и сам это знаю. А тогда? Короче говоря, доложили ротному о находке. Он пришел, осмотрел и приказал ящик этот и все, что было в той машине перегрузить на наш транспорт. Дня два мы возили эти ящики с собой. Все думали попробовать завести ее, да ротный запретил к ней прикасаться. На второй или третий день в расположение роты приезжает особист и с ним сопровождающий. Осмотрели они эту пилу, погрузили снова в нашу машину и

увезли, скорее всего в полк. Так вот спрашивается, а почему такое пристальное внимание к обыкновенной пиле? Что, у особиста более нет дел других, как трофеи ездить собирать? А ответ мой таков: увезли ее потому, что не было у нас таких и решили сделать что-то похожее у нас. Может и увезли ее на завод, там посмотрели наши инженеры, покумекали и сделали нашу “Дружбу”. Я же говорю, что очень уж похожа “Дружба” на ту самую, немецкую, только размерами поменьше.»

Так и беседовали меж собой два свояка. Вспоминали прошлое, поругивали настоящее. А я ни на шаг от них не отходил. А когда мама посылала куда-нибудь меня: будь то сходить в магазин за хлебом, иль ведро воды принести, или корову встретить с пастбища - я говорил отцу: “Вы только без меня ничего не рассказывайте, я ж тоже хочу послушать, мне так все интересно”
«Вот пострел маленький, все ему знать нужно», - говорил отец.
«Какой же он маленький, 11 лет уж.»

«Да уж. Я в 11 лет уже сам в лес по сено ездил. Отец меня поднимет рано утром, собирайся за сеном, Ваня. Погода нынче славная. Запрягай кобылку, да на пожню. Привези сена. Да смотри много то не нагружай. Кобылка то жеребая, размяться ей нужно. Да, и чтобы не вспотела, смотри. Потихоньку, не спеша. Так вот и было, Миша.»

Как-то слово за слово, эта тема была исчерпана и дядя начинал вполголоса напевать песню:

Редко, друзья, нам встречаться приходится
Но уж когда довелось
Вспомним что было и выпьем, как водится
Как на Руси повелось.

Песня называлась “Волховская, застольная”, была популярной песней военных лет, очень патриотичная и фронтовики, по рассказам дядя Миши, частенько пели ее под настроение. Особенно нравился отцу и дяде куплет:

Выпьем за тех, кто командовал ротами,
кто замерзал на снегу.
Кто в Ленинград пробирался болотами
Горло ломая врагу.

И в конце заканчивали очень торжественно:

Вспомним о тех, кто убит под Сенявиным,
Тех, кто не сдался живьем.
Выпьем за Родину, выпьем за Сталина
Выпьем и снова нальем!

Много еще о чем говорили отец со свояком, разговоры их касались и современной политики, как же под водку и без политики (это моя ирония), о жизни, о родственниках. Касались и работы: батя работал тогда крановщиком на складе экипировки паровозов, загружал уголь в паровозы, а дядя Миша работал на “тридцатом” в пожарной части механиком и водителем.

День уже перевалил на послеобеденный, и тут отец как встрепенулся и спросил дядю Мишу: «Миша, а ты бы пошел на войну еще раз, вот прямо сейчас, к примеру. Вот раз, и объявляют по радио: “Война!” - ты бы пошел?»
«Ну, ты такое удумал. Прямо и не знаю, что ответить. Да и вряд ли такое может случиться.»

«Как не может? Что врагов у нас нет? Да вокруг нас одни враги, нет у нас друзей, одни мы», - и, не дожидаясь ответа говорит: «А я бы пошел. А кто пойдет, как не ты да я? Опять, нас же обучать не нужно, мы многое умеем. Армия, конечно, сейчас сильная, я вон вижу в “Красной Звезде” сколько теперь и новой техники, и вооружения. Но опыта, как у нас с тобой, нет же. Одно дело управлять военной техникой, а другое дело воевать на этой технике. Этому тоже нужно научиться. А с другой стороны, если и не возьмут в пехоту, я бы стал ездовым. Подвозить на передовую не всегда можно на машине, без лошадей армия никогда не обходилась. И вряд ли когда обойдется.»

«Да и я, наверно, пошел бы. Если бы призвали», - произнес дядя Миша: «сам бы не пошел. Мне мой отец говорил в молодости: “От войны не бегай, но и на войну не напрашивайся”. Хотя не такое уж и плохое дело, война.»

«Да. Особливо, когда ты все время наступаешь. А вот когда драпать приходилось, как в 41-м, такой войны не очень то хочется опять попробовать на своей шкуре. Я вот все время думаю, а почему так вышло, что отступить пришлось аж до Москвы и Ленинграда? Почему положение исправилось только в 43-м году? Да потому что кругом во всех штабах предатели сидели. Вот и получилось так, что в 41-м немцы чуть Москву не взяли. Если бы Сталин не пересажал их всех, не знаю, что и было бы? Может и нас с тобой не было бы, да и всего этого,» - отец повел рукой вокруг себя, показывая, чего бы не было.

«А все-таки мы им хорошо задали! Пусть знают и боятся - нас русских не победить никому. Вот ты знаешь, в 44-м мы наступали почти непрерывно, как перешли границу с Румынией - так и поперли. Вот, правда, в Венгрии нам хорошо досталось от немцев. Но что я хочу сказать, я все время сравниваю, например 41-й и 44-й. Это ж небо и земля! Мы уже не бежали в атаку с винтовкой наперевес, а ждали, пока весь передний край артиллерией не обработают. Иногда по несколько часов непрерывно долбили. А потом только поднимали в атаку. И приходишь ты до немецких окопов, а точнее, до того

места, где эти окопы должны были быть - а там нет ничего. Все сровнено в один уровень, ни, тебе, блиндажей, ни, тебе, траншей - ничего, только ровная земля, которая дымится еще. И такая радость да гордость берет за страну нашу, за народ наш, ведь смогли, выдюжили, выдержали!» Тут голос отца начинал заметно дрожать и дядя Миша, обняв его за плечи, говорит: “Ладно, Ваня, ладно уж, прошло все, и не будет никогда больше. А нам с тобой нужно жить жизнь дальше. Работать, детей поднимать. Вон у тебя девки взрослые, а пацаны еще совсем малые. Да, и у меня тоже”.

Так и проходил день в беседах, иногда и в спорах у двух русских мужиков, фронтовиков, героев. А вечером мы все пойдем к поезду провожать родственников домой. Дядька с отцом тепло попрощаются и поезд увезет их ... до следующей встречи.

14 февраля 2020 года.